

УДК 94(4 95).04

**К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ, АВТОРСТВЕ И КУЛЬТУРНОМ ЗНАЧЕНИИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ЛАТИНСКОГО ТЕКСТА «HYSTORIA TROIANORUM»**

© 2014 г.

А.Н. Маслов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

maslovartem@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.07.2014

Рассматривается малоизвестный латинский рассказ о Троянской войне, текст которого был напечатан на страницах «Журнала средневековой латыни» М. Колкером в 1998 г. (по рукописям Chantilly, Musée Condé, MS Condé 754 и London, British Library, MS Burney 186) и датирован XIV столетием. Сравнение текста «Истории троянцев» с фрагментами хроники Джованни Коданьелло из Пьяченцы, которые публиковались О. Гольдер-Эггером, позволяет отнести начальную фазу бытования этого рассказа к периоду до 1235 г. Автор также предполагает, что в отличие от большинства средневековых писателей, обращавшихся к судьбе легендарной Трои, составитель «Истории троянцев» исходил из желания усилить в образе знаменитого города древности те черты, которые мало соотносились с аристократическими и клерикальными ценностями. Анализ небольшого латинского сочинения, таким образом, существенно дополняет современные представления о подвижности идентификационных черт, определяемых средневековым мифом о «троянском происхождении».

Ключевые слова: «История троянцев», Марвин Колкер, Джованни Коданьелло, средневековые легенды о Троянской войне.

Манифестации так называемого мифа о «троянском происхождении» западных народов, широко распространившиеся в литературной и историографической традиции классического и позднего Средневековья¹, привлекательны для современных историков не только антропологической «хрестоматийностью» и «серийным характером», но и высокой вариативностью своих компонентов, подвижностью определяемых ими идентификационных черт или актуальных социокультурных смыслов. Несмотря на предпринимаемые время от времени попытки увязать «сюжетное ядро» средневековых рассказов о «великом троянском прошлом» с той или иной «базовой» генеалогической стратегией (будь то обоснование властных претензий *аристократии*, идея *translatio studii* либо перманентное противопоставление *греческому* миру), спектр прочитываемых в этих текстах мемориальных интенций кажется сегодня необыкновенно широким². Ниже мы рассмотрим специфический пример опосредованности «троянского мифа», – как разновидности историографического топоса о *славном происхождении*, – ценностными установками традиций городского историописания.

Текст, привлекая в данной связи наше внимание, был введен в научный оборот сравнительно недавно. В 1998 году известный медиовист Марвин Колкер опубликовал на страницах «Журнала средневековой латыни» до-

вольно краткое анонимное сочинение о Троянской войне – «Историю троянцев» (“*Hystoria Troianogum*”) [19]. Этот небольшой рассказ, дошедший в двух северо-итальянских рукописях (из Музея Конде и Британской библиотеки)³, содержал определенное количество деталей и сюжетных линий, которые не были знакомы читателям иных средневековых или позднеантичных повествований о гибели Трои – знаменитых псевдодневниковых записей ‘Дарета Фригийского’ и ‘Диктиса Критского’ [20–21], небольшой компиляции «*Excidium Troiae*» [22–23], широко распространенной «Истории» Гвидо де Колумна [24] и т.д. Несмотря на ряд параллелей с известным сочинением «*Origo civitatum Italiae*» («*Compendium historiae Troianae-Romanae*») [25], «История троянцев» показалась ее издателю достаточно самобытным и неординарным текстом. М. Колкеру, правда, удалось обнаружить в финальной части «Истории» буквальные совпадения с одной из глав популярного компендия «*Manipulus florum*», составленного (до 1336 г.) итальянским доминиканцем Гальвано (или Гальванео) ди Фьямма [19, p. 87–88]. Данный факт позволил исследователю предположить, что в случае использования текста Гальвано ди Фьямма неизвестным автором «*Hystoria Troianogum*» последняя может датироваться периодом между 1336 г. и концом XIV столетия, когда появляется ее первый известный нам список (MS Condé 754) [19, p. 88].

Высказанная М. Колкером гипотеза о примерной датировке «Истории троянцев» должна быть скорректирована по части определения *'terminus a quo'*. Дело в том, что при подготовке к изданию «Истории» Колкер проигнорировал довольно старинную (1891 г.), но отнюдь не безызвестную публикацию Освальда Гольдер-Эггера, которая была посвящена историческим трудам Джованни Коданьелло (итал. Giovanni Codagnello; лат. Johannes Codagnellus) из Пьяченцы [26]⁴ – писателя XIII в. (ум. ок. 1235 г.), составившего т.н. «Гвельфские анналы Пьяченцы»⁵ и ряд других текстов⁶. Часть записей Коданьелло была объединена в некое подобие хроники⁷, освещавшей мировую историю (от Исхода евреев из Египта до эпохи Карла Великого) и сохранившейся в составе того же кодекса XIII в. (BNF, Lat. 4931), что и «Гвельфские анналы Пьяченцы». Помимо прочего, эта «Хроника» Коданьелло включает разделы «О строительстве города Трои» (f. 9^{a-b}), «Деяния при разрушении города Трои» (f. 9^c–17^b), «Деяния Энея, вождя троянцев» (f. 17^{c-d}), «Деяния Энея и Дидоны, царицы Африки» (f. 17^d–18^b). Многочисленные и пространные цитаты из них, которые приводит О. Гольдер-Эггер [26, S. 317–323]⁸, в подавляющем большинстве случаев идентичны фрагментам текста, изданного в 1998 г. М. Колкером. Данное обстоятельство может свидетельствовать о том, что фиксируемый в «Истории троянцев» рассказ складывался еще до 1235 г. Нельзя исключать, что тексты рукописей из Шантийи и Лондона восходили либо непосредственно к кодексу с трудами Коданьелло, либо к одному из его более поздних и ныне утраченных списков. То же самое – пусть и с определенными оговорками – можно предположить об упомянутом разделе компендиума Гальвано ди Фьямма «Manipulus florum»⁹.

Приведенные сведения, разумеется, ни в какой мере не приближают нас к разгадке вопроса о «подлинном авторе»¹⁰ опубликованной М. Колкером «Истории троянцев». Рассматривая иные тексты Джованни Коданьелло, историки отмечают высокую степень зависимости книжника XIII столетия от адаптируемых им материалов. Его труд — это, в значительной мере, труд компилятора: данный вывод предостерегает от поспешности в суждениях относительно «оригинальности» т.н. «Хроники» Коданьелло и, в том числе, ее «троянского раздела». Принципиально важным здесь, по-видимому, является не столько наличие в XIII–XIV вв. какой-то серии связанных между собой высказываний о Троянской войне, сколько сам факт *автономизации их мемориального значения*, их обособления в «отдельный нарратив»

(которое, судя по сохранившемуся в тексте упоминанию хроники Мартина Поляка¹¹, вряд ли могло произойти ранее последней четверти XIII в.). Единственным коррелятом этого факта на сегодняшний момент остается лишь сравнительно поздний северо-итальянский манускрипт из Музея Конде, исследованный Колкером. Заново обратившись к его тексту, мы можем наметить ряд дополнительных граней в понимании *специфического места* «Истории троянцев» среди прочих средневековых рассказов о гибели Трои.

В качестве обособленного книжного памятника «История» может быть разделена на три неравных части: в первой из них кратко повествуется об основании Трои (спустя примерно 160 лет после всемирного потопа) [19, p. 94], во второй – довольно подробно рассказывается о причинах и ходе Троянской войны [19, p. 95–107], третья часть посвящена странствиям уцелевших троянцев и основанию ими многочисленных городов на Западе и, конкретно, в Италии [19, p. 107–110]. В плане пересмотра традиционного сюжета, восходящего к Гомеру, «История троянцев» ничуть не уступает позднеантичным версиям «Дарета» и «Диктиса», являясь одним из самых нетривиальных образцов «игры с классиками». Ниже перечислены лишь наиболее значимые отклонения от общеизвестной фабулы.

Основным действующим лицом «Истории троянцев» практически с самого начала оказывается Парис (Александр); другие герои, включая Гектора и Ахилла, Улисса и Агамемнона, как бы отходят на второй план. Рассказчик сохраняет известный мотив воспитания Париса вне стен Трои и его возвращения в город уже в относительно зрелом возрасте. Будучи признанным в качестве сына Гекубой и Приамом, он быстро превосходит всех троянцев «благоразумием и добрыми нравами». Похищение Елены обставляется рядом «мелодраматических» подробностей: в течение некоторого времени прибывший ко двору Менелая Парис обменивается с ней любовными письмами. Приам и Гекуба, узнав о похищении Елены, с горя тяжело заболевают и умирают. Троянцы единодушно выбирают новым правителем Гектора, но тот отказывается от царского титула и царем Трои становится Парис.

В качестве главных соратников Менелая выступают Агаме(м)нон (Agamenon), почему-то превратившийся в правителя Египта, и отец Елены, «наимогущественнейший и превосходнейший» царь Мармулин (Marmulinus). Ахилл пытается уклониться от участия в походе на Трою и скрывается при дворе царя Армении (sic!), где живет «в женских одеждах» среди царских дочерей. Прибывшие туда послы Ме-

нелая узнают сына Фетиды из-за его могучего телосложения, доносят об этом царю, и тот прогоняет Ахилла, испугавшись за честь своих дочерей. Еще до начала войны с троянцами пленницей Ахилла становится Клариола (это имя, возможно, как-то соответствует греческому «Хрисеида»), в которую неожиданно влюбляется... царь Менелай. Он отбирает пленницу у Ахилла, отказывается ее вернуть, не поддавшись на уговоры других греческих вождей и заслужив тем самым всеобщую ненависть.

Описание собственно войны крайне непоследовательно и лапидарно: по сути, рассказав о нескольких сражениях в первый год осады, составитель «Истории» пропускает события следующих лет и затем повествует о сражениях восьмого года, а немного спустя – о взятии Трои греками. Во время захвата города Парис спасается бегством, прихватив с собой и Елену Прекрасную и немалое число соратников (называется довольно много имен), каждый из которых впоследствии становится основателем какого-то города на Западе (прежде всего в Италии и во Франции). Уже после разорения Трои Парис, желая отомстить Ахиллу, направляет к нему одного из своих подручных, который смертельно ранит греческого героя. Подобно Парису, из захваченного города бежит со своими спутниками Эней. С ними он основывает ряд городов (на территориях более поздних Южной Франции, Каталонии и Испании – Марсель, Нарбонн, Тулузу, Сарагоссу, Саламанку, Толедо и др.), после чего узнает о существовании царицы южных народов Дидоны, отправляется к ее двору и, в конце концов, женится на ней (sic!). Дидона рождает Энею двух сыновей, а спустя некоторое время умирает (причина не уточняется), Эней же переселяется в Италию.

Трудно сказать, насколько «точным» мыслится подобный рассказ в сравнении с другими средневековыми сочинениями о гибели Трои. Вполне вероятно, что его трансляция не предполагала интенсивной рефлексии по поводу соответствия «авторитетным» свидетельствам древности: ни один из известных Средневековой писателей, обращавшихся к троянской теме, в «Истории» попросту не назван. Так или иначе, для нас исключительно важны (даже в самом первом и грубом приближении) те элементы повествования, с помощью которых средневековый читатель «Истории троянцев» мог идентифицировать описываемых здесь древних героев с носителями актуального опыта и востребованных его современниками духовных ценностей. Определяемые этими нарративными нюансами характеристики «Истории» как *мифологизирующего современность рассказа*

вполне соотносятся с выработанной мемориальными штудиями последних десятилетий аксиоматикой *социального измерения* памяти о прошлом.

Попробуем выявить особенности социокультурной ангажированности «*Hystoria Troianorum*» в контексте современной для нее легендарной традиции. Хорошо известно, что средневековый миф о «троянских истоках» отдельных династий или народов тесно связывался в сознании авторов и читателей того времени с представлениями о так называемом *translatio imperii*. В исследовательской литературе неоднократно указывалось на то, что сведения о «троянском происхождении» регулярно использовались в качестве аргумента, подтверждавшего справедливость экспансионистских устремлений аристократии или (как вариант) королевской власти. Уже приходилось писать [30, с. 441–442], что данная проблематика получила, на наш взгляд, наиболее стройное концептуальное оформление в статье Фрэнсиса Ингльды «Книга Трои и генеалогическое истолкование истории» [31]. Ингльдо увязывал популярное в Средние века сочинение Гальфрида Монмутского «История королей Британии» с возрождением в XII веке важнейших аспектов так называемой «вергилианской» философии истории, к числу которых относится прежде всего идея о генеалогической преемственности между «древними» и «новыми» носителями земной власти.

С другой стороны, в числе средневековых рассказов о Троянской войне можно выделить довольно большую группу текстов XIII, XIV и XV в. (самый яркий пример здесь, безусловно, – «История разрушения Трои» Гвидо де Колумна и ее многочисленные переложения), основной пафос которых принципиально отличен от идей Гальфрида Монмутского (конечно, именно в охарактеризованном выше понимании) [32]. Главной особенностью этих сочинений видится их отчетливо «антимилитаристский» характер, интерес к темам гибели земных властителей и крушения древних «империй», акцент на трагической роли матримониальных и экспансионистских устремлений героев повествования. Хотя многочисленные тексты этой второй группы могли предназначаться, в том числе, и знатной аудитории, они, тем не менее, заключали в себе элемент *критического отношения к аристократии* (олицетворяемой греческими и троянскими героями-воинами), не способной прислушаться к советам и пророчествам ряда «мудрых» персонажей, напомиавших средневековой публике современных ей носителей клерикальной традиции. Вероятно, что писатели, подобные Гвидо де Колумна, могли исхо-

доть из актуальных представлений о роли интеллектуальных, «бюрократических» процедур, нарушение которых воинами-аристократами приводит к гибели сообщества в целом.

Такое «бинарное» восприятие комплекса средневековых легенд о гибели Трои, разумеется, весьма условно. В самих этих рассказах мы зачастую сталкиваемся с героями, которые для читателей Средневековья в равной мере могли быть отнесены и к воображаемому сообществу «знатных воинов», и к числу обладателей «некоего сокровенного знания» (под последним в известных нам текстах порой понимаются и пророческие способности, и познания в сфере астрологии либо магии, и даже простое владение «свободными искусствами») [30, с. 445]. Но в целом «клерикально-аристократический» характер того воображаемого большинством средневековых книжников социума, в котором живут и погибают греческие и троянские герои, не вызывает сомнения.

Специфика рассматриваемого нами текста, вероятно, заключается в том, что он не просто не «аристократичен», но и не «клерикален» на манер повествований, придающих особое значение описанию пророчеств и их превратных истолкований сообществом «славных предков». Составитель «Истории троянцев», по-видимому, пытается задать несколько иную перспективу для восприятия легендарных событий и связанных с ними древних героев. Данная перспектива опосредована прежде всего идеалами «равенства и справедливости». Она оформляется уже в начале рассказа, где речь заходит об основании Трои, которая объявлена самым первым городом, отстроенным на земле после всемирного потопа, и претендует на роль своего рода идеального сообщества. Эпизоду с основанием Трои предшествует утверждение о том, что, хотя первоначально все люди были от рождения равны, некоторые из них, превосходившие других «телесной силою» и «изобилием богатств» (об интеллектуальном или духовном превосходстве нет и речи), со временем начали жестоко притеснять всех остальных. Притесняемые, в свою очередь, пытались заручиться содействием «любого, кто поддержал бы справедливость, правосудие и равенство» (*aliquem qui iustitiam et iudicium et [a]equitatem manuteneret*) [19, p. 94]. К числу подобных людей, согласно «Истории троянцев», принадлежал основатель Трои – Троиц, выстроивший город, где можно было найти защиту и сохранить нерушимыми свои права (*in qua... se possent defendere et iura illesa seruare*) [19, p. 94].

Став правителем Трои, подчеркивает автор «Истории», благодаря своей мудрости и благо-

разумию, Троиц учреждает совет из пятисот «старших и мудрых» мужей, с помощью которых он правит городом. Часть наиболее «разумных и сильных» горожан становятся, по его указанию, воинами / рыцарями (*milites*) и причисляются к разряду *pugnatores* («сражающихся»), другая часть жителей, называемая *laboratores*, должна обеспечить этих воинов пропитанием в обмен на защиту безопасности и своих прав [19, p. 94]. Показательно, что, по сути, воспроизводя здесь знаменитую «тройственную модель» общественного устройства, средневековый писатель не упоминает *oratores* («молящихся»), которых он, при желании, вполне мог отождествить с древним жречеством. Их место занимают в нашем рассказе «прозорливые и рассудительные» мужи, выбранные Троицом для отправления правосудия и сохранения законов (*uiros prouidos et sapientes elegit qui iustitiam et rationem in ea manutenerent ciuitate et ius uniuscuiusque seruarent*) [19, p. 94]. Согласно «Истории», всем пришедшим в Трою ее основатель сулит безопасность (*rex policitus est omnibus in ea uenientibus immunitatem*), вследствие чего население города очень быстро увеличивается (*quam ob rem indefinita multitudo de longinquis partibus in ea ciuitate fugerunt*) [19, p. 94].

Такой высокий градус «юридизма» фиксируется не только в начальной части «Истории троянцев», но и на протяжении остального повествования. Легендарный Александр (Парис), судя по содержанию одного из фрагментов «Истории», оказывается воплощением идеи «справедливого суда» и «законности»: его имя истолковывается в качестве производного от «*paris*» и связывается со стремлением «соблюдать равенство» [19, p. 96]. В этом качестве Парис отчетливо противопоставлен своему брату Гектору, персонифицирующему скорее «лишь» воинскую храбрость и силу. Одним из наиболее значимых в данной связи является эпизод с избранием нового правителя Трои после смерти Приама и Гекубы. Здесь показателен не просто факт «всенародного волеизъявления» в ходе выборов царя, но и тот отказ от престола, который приписан Гектору. Согласно «Истории троянцев», Гектор не желает править страной, которую бы он не завоевал с помощью оружия [19, p. 98]¹²: оставаясь олицетворением «воина-аристократа» он, тем не менее, самоустраняется из воображаемой сферы властных отношений, уступая всеобщему любимцу Парису путь к трону.

Интересно, что чуть ранее намечается и мотив *конфликта между двумя братьями*. Впервые (еще в обличье простого пастуха) оказавшись при дворе своих истинных родителей –

Приама и Гекубы, – Парис неосторожно вмешивается в шахматную партию между Гектором и каким-то рыцарем: по словам составителя «Истории», увидев игру, Парис тотчас же понимает ее правила (*illico ipsius ludi modum cognouit et sciuit*) и начинает подсказывать сопернику Гектора, после чего возмущенный Гектор пытается побить младшего брата (шум привлекает внимание Гекубы, она узнает в незнакомце своего сына и т.д.) [19, р. 96]. Вмешательство Париса в ход шахматной игры, по-видимому, глубоко символично, ведь шахматы в период Средневековья – не только олицетворение аристократического досуга, но и расхожая метафора властных отношений, аллегория социальной жизни и общественного устройства [33–34]. Понимание правил этой игры «простым пастухом» Парисом знаменует претензию на власть, оспариваемую им в конфликте с воинственным Гектором.

Собственно, и «героическая оборона» Трои регламентируется в рассматриваемом нами тексте весьма красноречивым способом. Характерно, что единственным воплощением «индивидуальной отваги» среди троянцев остается Гектор, чьим схваткам с Ахиллом в «Истории троянцев» отводится действительно важное место. Но вполне очевиден и тот факт, что в отличие от большинства других средневековых рассказов о Троянской войне, обыгрывающих мотив союза Трои с многочисленными «королями» и «герцогами» восточных народов, «История троянцев» превращает защиту города, по большей мере, в заботу его непосредственных обитателей. Судя по тексту «Истории», в самом начале осады Парис вместе с «благородными и мудрыми мужами» утверждает порядок ротации защитников Трои: их сограждане (*conciues*), разделенные на три группы – в соответствии с удаленностью жилищ от «эпицентра» осады (а *sapite obsidionis*), – должны поочередно (на протяжении десятидневных смен) оборонять и укреплять город, объединяя раз в месяц (*quolibet trigesimo die*) свои силы для большого сражения с греками за крепостной стеной [19, р. 103].

Выбор столь «рациональной» методики противостояния врагу соотносим с отсутствием в «Истории» всяких упоминаний о тех знатных троянцах (и, в частности, о многочисленных «бастардах» царя Приама), поединкам которых с героями-греками уделяли в своих книгах огромное внимание и Бенуа де Сент-Мор, и Гвидо де Колумна, и другие средневековые писатели. Сходный акцент, кстати, можно уловить при описании подготовки греков к военному походу против Трои [19, р. 99]. В этом случае отдельного упоминания удостоиваются сначала «про-

зорливые и мудрые мужи», которые должны заняться снаряжением флота и сбором провианта, а затем – «благоразумные и изобретательные мужи», разбирающиеся в сооружении осадных машин и полевых укреплений. Кажется, что данный пассаж – часть замысла по ограничению боевых заслуг знатных героев-«поединщиков».

Несколько слов стоит сказать о роли т.н. «профетической информации» в «Истории троянцев». В целом, сведения о пророчествах здесь редки и лаконичны [19, р. 101–102, 105], они не образуют дополнительных сюжетных линий (в этой связи показательное отсутствие всяких упоминаний о таких знаковых персонажах, как Калхант или Кассандра). Кроме того, данные сведения практически не драматизируются рассказчиком. Показателен эпизод, в котором описано обращение троянцев к богам (после смерти Гектора) с целью вызнать исход военных действий. В этом эпизоде нет никакой экспрессии, ответ не обставляется какими-либо «интригующими» подробностями: задав вопросы богам, их служители объявляют о том, что «греки одолеют Трои, но троянский народ позднее восстановится и полностью подчинит и всех греков, и их землю» [19, р. 105]. Узнав об этом, троянцы, по выражению автора, «возрадовались великой радостью» (*ingenti gaudio fuerunt gauisi*) [19, р. 105]. Говорить о каком-то конфликте, привносимом в сюжет благодаря «скандальному пророчеству», здесь, по-видимому, нельзя.

Обращение к теме пророчеств в средневековых рассказах о Троянской войне предполагает еще и учет характеристик, приписываемых языческим верованиям и образам почитаемых древними язычниками богов. В данном плане примечательно отсутствие в «Истории троянцев» любых критических высказываний по поводу язычества, резким нападкам на которое зачастую предавались авторы иных сочинений о Трое [см., напр.: 24, р. 93–97; 35, р. 55–56 и др.]. Единственной экспликацией древних верований в «Истории» можно считать короткую ремарку относительно божественного статуса Юноны, Паллады и Венеры, которые, согласно тексту, «именовались богинями вследствие своих высоких достоинств» (*appellabantur dee propter eorum magnificas uirtutes*)¹³ [19, р. 97]. Интересно то, что речь здесь, по всей видимости, идет о персонажах, четко связанных с конкретной городской общиной. Во всяком случае, именно так обстоит дело с богиней раздора (*In ipsa uero ciuitate erat quedam dea cui nomen erat Discordia*) [19, р. 97]. Подлинный характер «социализации» богов в Трое выясняется благодаря эпизоду, который предшествует упомянутому выше предсказанию об исходе военных действий и

судьбе побежденных троянцев: чтобы получить это предсказание, жители города *заставляют согнать* (*congregare fecerunt*) всех богов в храм Юпитера, где они и должны быть основательно расспрошены по поводу грядущих событий [19, p. 105]. Возможным следствием подобной профанации воображаемой сакральной сферы в «Истории троянцев» является минимальное число упоминаний о так называемых *custodes deorum* или *custodes templi* [19, p. 101, 105], сближаемых по своим функциям со жречеством, но не привлекающих к себе сколь либо пристального внимания и не включенных в перечень трех основных групп обитателей легендарной Трои. Контроль над профетической информацией заслоняется в сообществе «славных предков» заботой о «справедливости и разумности».

Таковы приблизительные контуры иницируемого «Историей троянцев» образа «социальной действительности» в мире древних героев. Реконструкция ее судеб в контексте средневековой книжной культуры – предмет отдельного исследования. Не имея сегодня возможности более точно датировать «*Hystoria Troianorum*» и весьма гипотетически связывая обстоятельства ее появления/распространения с традицией городского историописания в Северной Италии XIII–XIV столетий, следует все же указать на очевидную зависимость между характерным для данного текста истолкованием троянской тематики и социокультурными предпочтениями итальянских горожан Высокого и Позднего Средневековья. Эксплуатируя традиционный мотив *происхождения от великих предков*, составитель или составители рассмотренной нами версии, тем не менее, четко ограничивают и сферу опосредуемых *благородством* социальных коллизий, и веру в «естественный» характер самого *генеалогизма* как обосновывающего ход событий принципа. Сохраняя идею преемственности между стариной и современностью, они подкрепляют тот тип групповой идентичности, который сложно соотносить с поддержкой династийных либо монархических интересов. Так, будучи одним из многих примеров обращения к легендарному троянскому прошлому на протяжении Средневековья, «История троянцев», тем не менее, помогает лучше осознать полисемию культурного «присвоения» древности, продемонстрировать *историческую изменчивость* пестуемого поколениями средневековых писателей «троянского мифа».

Примечания

1. Этим манифестациям посвящено немало количество специальных работ, среди которых нам хотелось бы выделить лишь наиболее значимые пуб-

ликаций последних десяти лет [1–8]. Отдельного упоминания заслуживают и более-менее недавние обзоры и исследования пространного корпуса средневековых легенд о Троянской войне как таковой [9–16].

2. Вопрос об изменчивости даже наиболее «устойчивых» социокультурных смыслов, вкладываемых средневековыми писателями в рассказы о Троянской войне не так давно разбирался нами на примере нескольких текстов [17–18].

3. Первая рукопись из Музея Конде в Шантийи (MS Condé 754) содержит только текст «Истории троянцев», второй манускрипт из Британской библиотеки в Лондоне (MS Burney 186) включает в себя, наряду с «Историей троянцев», ряд других текстов; датированы рукописи, соответственно, концом XIV и началом XV в. [19, p. 89–92].

4. О месте Джованни Коданьелло в традиции историописания Северной Италии – см. статью Йорга Буша [27].

5. Это, несомненно, самый известный из текстов, приписываемых сегодня перу Джованни Коданьелло. Они публиковались Ж.-Л. Гильяр-Бреоллем, Б. Палластрелли, Г.Г. Пертцем, О. Гольдер-Эггером, – см. издание, осуществленное последним в 1901 г. [28].

6. Среди них принято, в частности, обособлять «*Libellus tristitiae et doloris Mediolanensis*», «*Gesta Federici imperatoris*», «*Gesta obsidionis Damiatiae*».

7. Й. Буш предпочитает название «*Liber gerum gestarum*» применительно к текстам Коданьелло на л. 1^a–55^b [27, p. 84].

8. Отметим, что разделы «*Gesta Henee Troianorum ducis*» и «*Gesta Henee et Didonis regine Africe*» опубликованы практически полностью.

9. На это указывал еще О. Гольдер-Эггер [26, S. 311].

10. Данный вопрос, несомненно, имеет смысл только в рамках стремительно устаревающего «историографического» дискурса, который детерминирован моделью книжной культуры Нового времени и оперирует нерелевантными средневековой текстуальности категориями «авторства», «аутентичности», формально-содержательной «законченности» того или иного произведения (см. в этой связи известную работу П. Зюмтора [29, с. 70–74]).

11. «...sicut superius habetur cronice Martini» [19, p. 110].

12. «Omnes quidem ipsius ciuitatis uiri... statim concorditer Hectorem elegerunt in regem ipsorum. Qui regnum dixit se non fore habiturum nisi prelio et armis bellicis subiugaret, et ideo regnum Troie penitus recusauit... Et ipsum Paridem ipsius ciuitatis regem constituerunt et fecerunt...» [19, p. 98].

13. Наличие у этих дам волшебных способностей (*Alia uero Pallas dicebatur, que per magicam artem scientiam indefinitam cui uolebat prebere poterat* [19, p. 97]) никак не комментируется.

Список литературы

1. Federico S. *New Troy: Fantasies of Empire in the Late Middle Ages*. Minneapolis–London: University of Minnesota Press, 2003. xxiv+207 p.

2. Poucet J. Le mythe de l'origine troyenne au Moyen âge et à la Renaissance: un exemple d'idéologie politique // *Folia Electronica Classica*. No. 5. Janvier–Juin 2003. – Режим доступа: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/fe/05/anthenor2.html> (июль 2014 г.).
3. *Fantasies of Troy: Classical Tales and the Social Imaginary in Medieval and Early Modern Europe* / Ed. by A. Shepard and S. D. Powell. Toronto: Centre for Reformation and Renaissance Studies, 2004. xi+306 p.
4. Innes M. Teutons or Trojans? The Carolingians and the Germanic Past // *The Uses of the Past in the Early Middle Ages* / Ed. by Y. Hen and M. Innes. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 227–249.
5. Görich K. Troia im Mittelalter – der Mythos als politische Legitimation // *Der Traum von Troia. Geschichte und Mythos einer ewigen Stadt* / Hrsg. von M. Zimmermann. München: Beck, 2006. S. 120–134.
6. Coumert M. Origines des peuples. Les récits du Haut Moyen Âge occidental (550–850). Paris: Institut d'études augustiniennes, 2007. 659 p.
7. Solomon J. The Vacillations of the Trojan Myth: Popularization and Classicization, Variation and Codification // *International Journal of the Classical Tradition*. Vol. 14. 2007. № 3/4. P. 482–534.
8. Wolf K. Troja – Metamorphosen eines Mythos. Französische, englische und italienische Überlieferungen des 12. Jahrhunderts im Vergleich. Berlin: Akademie Verlag, 2008. 347 S.
9. Die deutsche Trojaliteratur des Mittelalters und der Frühen Neuzeit / Hrsg. von H. Brunner. Wiesbaden: Reichert, 1990. 553 S.
10. Fochler P. Fiktion als Historie. Der Trojanische Krieg in der deutschen Literatur des 16. Jahrhunderts. Wiesbaden: Reichert, 1990. 247 S.
11. Entre fiction et histoire: Troie et Rome au Moyen Âge / Études réunies par E. Baumgartner et L. Harf-Lancner. Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle, 1995. 252 p.
12. Jung M.-R. La légende de Troie en France au moyen âge. Analyse des versions françaises et bibliographie raisonnée des manuscrits. Basel — Tübingen: Francke, 1996. 662 p.
13. Rigall J.C. La Materia de Troya en las letras romances del siglo XIII hispano. Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela, 1999. 300 p.
14. Faivre d'Arcier L. Histoire et géographie d'un mythe: La circulation des manuscrits du *De excidio Troiae* de Darès le Phrygien (VIIIe–XVe siècles). Paris: École des Chartes, 2006. iv+539 p.
15. Wilflingseder W. The Motifs and Characters in the *Gest Hystoriale of the Destruction of Troy* and in the *Laud Troy Book*. Frankfurt am Main – New York: Peter Lang, 2007. XIV+240 p.
16. Witalisz W. The Trojan Mirror: Middle English Narratives of Troy as Books of Princely Advice. Frankfurt am Main – New York: Peter Lang, 2011. 224 p.
17. Маслов А.Н. Старофранцузский «Роман о Ландомате» и проблемы межкультурного взаимодействия в Средиземноморье XIII века // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2012. № 6 (3). С. 242–248.
18. Маслов А.Н. Несчастливая «Новая Троя»? К интерпретации латинской поэмы о примирении короля Ричарда II с лондонцами // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2013. № 4 (3). С. 88–99.
19. Colker M.L. A Previously Unpublished *History of the Trojans* // *The Journal of Medieval Latin*. Vol. 8. 1998. P. 80–121.
20. Daretis Phrygii *De excidio Troiae historia* / Hrsg. von F. Meister. Leipzig: Teubner, 1873. L+67 S.
21. Dictys Cretensis. *Ephemeridos belli Troiani* / Hrsg. von W. Eisenhut. Leipzig, 1973. lii+152 S.
22. *Excidium Troiae* / Ed. by E.B. Atwood and V.K. Whitaker. Cambridge (Mass.): Mediaeval Academy of America, 1944. xci+82 p.
23. Atwood E.B. The Rawlinson *Excidium Troiae* – A Study of Source Problems in Mediaeval Troy Literature // *Speculum*. 1934. Vol. 9. No. 4. P. 379–404.
24. Guido de Columnis. *Historia destructionis Troiae* / Ed. by N.E. Griffin. Cambridge (Mass.): Mediaeval Academy of America, 1936. xviii+293 p.
25. *Compendium historiae Troianae-Romanae* / Hrsg. von H. Simonsfeld // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*. Bd. 11. 1886. S. 241–251.
26. Holder-Egger O. Über die historischen Werke des Johannes Codagnellus von Piacenza // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*. Bd. 16. 1891. S. 251–346, 473–509.
27. Busch J.W. Sulle tracce della memoria comunale di Milano. Le opere dei laici del XII e XIII secolo nel «Manipulus florum» di Galvano Fiamma // *Le cronache medievali di Milano* / A cura di P. Chiesa. Milano, 2001. P. 79–88.
28. Iohannis Codagnelli *Annales Placentini* / Hrsg. von O. Holder-Egger // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. Vol. 23. Hannover–Leipzig: Hahn, 1901. XX+140 S.
29. Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики / Пер. с фр. И.К. Стаф. СПб.: Алетейя, 2003. 544 с.
30. Маслов А.Н. Легенды прошлого: Троянская война в средневековой западной традиции // *Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2008. С. 410–446.
31. Ingledeu F. The Book of Troy and the Genealogical Construction of History: The Case of Geoffrey of Monmouth's *Historia Regum Britanniae* // *Speculum*. Vol. 69. 1994. No. 2. P. 665–704.
32. Simpson J. The Other Book of Troy: Guido delle Colonne's *Historia destructionis Troiae* in Fourteenth- and Fifteenth-Century England // *Speculum*. Vol. 73. 1998. No. 2. P. 397–423.
33. Лучицкая С.И. Шахматы как метафора средневекового общества // *Одиссей. Человек в истории*. 2007. М.: Наука, 2007. С. 127–147.
34. Толстикова А.В. Шахматные аллегории Средневековья. Рец. на книгу: *Chess and Allegory in the Middle Ages* / Ed. by O. Ferm and V. Honemann. Stockholm, 2005 // *Одиссей. Человек в истории*. 2007. М.: Наука, 2007. С. 437–450.
35. Roman de Troie en prose / Éd. par L. Constans et E. Faral. T. 1. Paris: Champion, 1922. 170 p.

**NOTES ON THE DATING, AUTHORSHIP AND CULTURAL SIGNIFICANCE
OF THE MEDIEVAL LATIN «HYSTORIA TROIANORUM»**

A.N. Maslov

The paper examines the so-called «*Hystoria Troianorum*» – the medieval Latin story of the Trojan War that was published (1998) in «*The Journal of Medieval Latin*» by M.L. Colker (from the manuscripts Chantilly, Musée Condé, MS Condé 754 and London, British Library, MS Burney 186) and dated to the 16th century. Compared with fragments of Giovanni Codagnello's chronicle published by O. Holder-Egger (1891), «*Hystoria Troianorum*» (or its better part) seems to have appeared much earlier than Colker proposes, – namely in the period before 1235 AD. Unlike most medieval writers, who described the fate of Troy, the author of the «*Hystoria Troianorum*» emphasizes in his narrative some features of the legendary Trojan past that hardly correlate with contemporary stereotypes of the aristocratic or clerical culture. Thus, the analysis of the short Latin text allows us to elaborate significantly the thesis about high variability of identities based on the medieval «myth of Trojan origin».

Keywords: «*Hystoria Troianorum*», Marvin Colker, Giovanni Codagnello, medieval Trojan legends.

References

1. Federico S. *New Troy: Fantasies of Empire in the Late Middle Ages*. Minneapolis–London: University of Minnesota Press, 2003. xxiv+207 p.
2. Poucet J. Le mythe de l'origine troyenne au Moyen âge et à la Renaissance: un exemple d'idéologie politique // *Folia Electronica Classica*. No. 5. Janvier–Juin 2003. – Rezhim dostupa: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/fe/05/anthenor2.html> (iyul' 2014 g.).
3. *Fantasies of Troy: Classical Tales and the Social Imaginary in Medieval and Early Modern Europe* / Ed. by A. Shepard and S. D. Powell. Toronto: Centre for Reformation and Renaissance Studies, 2004. xi+306 p.
4. Innes M. Teutons or Trojans? The Carolingians and the Germanic Past // *The Uses of the Past in the Early Middle Ages* / Ed. by Y. Hen and M. Innes. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 227–249.
5. Görlich K. Troia im Mittelalter – der Mythos als politische Legitimation // *Der Traum von Troia. Geschichte und Mythos einer ewigen Stadt* / Hrsg. von M. Zimmermann. München: Beck, 2006. S. 120–134.
6. Coumert M. *Origines des peuples. Les récits du Haut Moyen Âge occidental (550–850)*. Paris: Institut d'études augustiniennes, 2007. 659 p.
7. Solomon J. The Vacillations of the Trojan Myth: Popularization and Classicization, Variation and Codification // *International Journal of the Classical Tradition*. Vol. 14. 2007. № 3/4. P. 482–534.
8. Wolf K. *Troja – Metamorphosen eines Mythos. Französische, englische und italienische Überlieferungen des 12. Jahrhunderts im Vergleich*. Berlin: Akademie Verlag, 2008. 347 S.
9. *Die deutsche Trojaliteratur des Mittelalters und der Frühen Neuzeit* / Hrsg. von H. Brunner. Wiesbaden: Reichert, 1990. 553 S.
10. Fochler P. *Fiktion als Historie. Der Trojanische Krieg in der deutschen Literatur des 16. Jahrhunderts*. Wiesbaden: Reichert, 1990. 247 S.
11. *Entre fiction et histoire: Troie et Rome au Moyen Âge* / Études réunies par E. Baumgartner et L. Harf-Lancner. Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle, 1995. 252 p.
12. Jung M.-R. *La légende de Troie en France au moyen âge. Analyse des versions françaises et bibliographie raisonnée des manuscrits*. Basel – Tübingen: Francke, 1996. 662 p.
13. Rigall J.C. *La Materia de Troya en las letras romances del siglo XIII hispano*. Santiago de Compostela: Universidad de Santiago de Compostela, 1999. 300 p.
14. Faivre d'Arcier L. *Histoire et géographie d'un mythe: La circulation des manuscrits du De excidio Troiae de Darès le Phrygien (VIIIe–XVe siècles)*. Paris: École des Chartes, 2006. iv+539 p.
15. Wilflingseder W. *The Motifs and Characters in the Gest Hystoriale of the Destruction of Troy and in the Laud Troy Book*. Frankfurt am Main – New York: Peter Lang, 2007. XIV+240 p.
16. Witalisz W. *The Trojan Mirror: Middle English Narratives of Troy as Books of Princely Advice*. Frankfurt am Main – New York: Peter Lang, 2011. 224 p.
17. Maslov A.N. Starofrancuzskij «Roman o Landomate» i problemy mezhkul'turnogo vzaimodejstviya v Sredizemnomor'e XIII veka // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2012. № 6 (3). S. 242–248.
18. Maslov A.N. Neschastnaya «Novaya Troya»? K interpretacii latinskoj poehmy o primirenii korolya Richarda II s londoncami // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2013. № 4 (3). S. 88–99.
19. Colker M.L. A Previously Unpublished History of the Trojans // *The Journal of Medieval Latin*. Vol. 8. 1998. P. 80–121.
20. Daretis Phrygii *De excidio Troiae historia* / Hrsg. von F. Meister. Leipzig: Teubner, 1873. L+67 S.
21. *Dictys Cretensis. Ephemeridos belli Troiani* / Hrsg. von W. Eisenhut. Leipzig, 1973. lii+152 S.
22. *Excidium Troiae* / Ed. by E.B. Atwood and V.K. Whitaker. Cambridge (Mass.): Mediaeval Academy of America, 1944. xci+82 p.
23. Atwood E.B. The Rawlinson *Excidium Troiae* – A Study of Source Problems in Mediaeval Troy Literature // *Speculum*. 1934. Vol. 9. No. 4. P. 379–404.
24. *Guido de Columnis. Historia destructionis Troiae* / Ed. by N.E. Griffin. Cambridge (Mass.): Mediaeval Academy of America, 1936. xviii+293 p.
25. *Compendium historiae Troianae-Romanae* / Hrsg. von H. Simonsfeld // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*. Bd. 11. 1886. S. 241–251.
26. Holder-Egger O. Über die historischen Werke des Johannes Codagnellus von Piacenza // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*. Bd. 16. 1891. S. 251–346, 473–509.

27. Busch J.W. Sulle tracce della memoria comunale di Milano. Le opere dei laici del XII e XIII secolo nel «Manipulus florum» di Galvano Fiamma // *Le cronache medievali di Milano / A cura di P. Chiesa*. Milano, 2001. P. 79–88.
28. Iohannis Codagnelli Annales Placentini / Hrsg. von O. Holder-Egger // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. Vol. 23. Hannover–Leipzig: Hahn, 1901. XX+140 S.
29. Zyumtor P. Opyt postroeniya srednevekovoj poehtiki / Per. s fr. I.K. Staf. SPb.: Aletejya, 2003. 544 s.
30. Maslov A.N. Legendy proshlogo: Troyanskaya vojna v srednevekovoj zapadnoj tradicii // *Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoy*. M.: Krug", 2008. S. 410–446.
31. Ingledew F. The Book of Troy and the Genealogical Construction of History: The Case of Geoffrey of Monmouth's *Historia Regum Britanniae* // *Speculum*. Vol. 69. 1994. No. 2. P. 665–704.
32. Simpson J. The Other Book of Troy: Guido delle Colonne's *Historia destructionis Troiae* in Fourteenth- and Fifteenth-Century England // *Speculum*. Vol. 73. 1998. No. 2. P. 397–423.
33. Luchickaya S.I. Shahmaty kak metafora srednevekovogo obshchestva // *Odissej. Chelovek v istorii*. 2007. M.: Nauka, 2007. S. 127–147.
34. Tolstikov A.V. Shahmatnye allegorii Srednevekov'ya. Rec. na knigu: *Chess and Allegory in the Middle Ages* / Ed. by O. Ferm and V. Honemann. Stockholm, 2005 // *Odissej. Chelovek v istorii*. 2007. M.: Nauka, 2007. S. 437–450.
35. Roman de Troie en prose / Éd. par L. Constans et E. Faral. T. 1. Paris: Champion, 1922. 170 p.